

Ив Ланда

КРЫЛО
ПЕСНИ

Ив Ланда

Крыло Песни

<https://litres.ru/74357579>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Подграде люди танцуют против собственной воли, пока их тела не ломаются от истощения. Феликс Маер приезжает расследовать странную эпидемию и знакомится с доктором Сокорро Тоденфельс, хозяйкой загадочного лазарета «Крыло Песни».

Их объединяет опасная страсть к неизвестному. Оба привыкли исследовать, подчинять и превращать людей в материал для собственных опытов. Но чем ближе они подходят к природе танцевальной чумы, тем очевиднее становится: главный эксперимент здесь поставлен не над больными.

Это история о чудовищах. И каждое уверено, что именно оно держит поводок.

Содержание

Глава 1. Пресность	4
Глава 2. Путешествие в Подград	9
Глава 3. Особняк	24
Глава 4. Крыло Песни	50
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Ив Ланда

Крыло Песни

Глава 1. Пресность

Пресность... Моя навязчивая спутница, столь чуждая мне, теперь была со мной неразделима и жадно высасывала все краски жизни. Мы не были знакомы прежде — я отдавался наслаждениям своих путешествий сполна. О, где я только не был! Каких чудес только не видал!

Помню, как сама Вечность улыбалась мне из глазниц верблюжьего черепа среди раскаленного песка Сахары. Я восхищался ею, как прекраснейшим откровением Смерти.

А каков же был мой трепет перед черными водами Яванского моря, когда плыл на шхуне от Суматры до Борнео три недели... Днем вода казалась такой густой, словно ее можно было царапать ногтями. Ночью же она светилась бледным зеленоватым светом, будто поток уносящихся душ. Я знал, что эта магия — всего лишь планктон, но каждый раз с удовольствием наблюдал, попивая крепкий голландский джин.

Я чувствовал каждый вдох, созидая и воплощая самые сомнительные, но смелые замыслы. Однако, как это нередко бывает, потеря крохотной шестеренки привела к остановке машины, прежде слывшей неостановимой и могуществен-

ной.

Теперь я курил сигару, сидя в пражском кафе, которое должно было подразумевать уют, и не чувствовал никакого вкуса, кроме вкуса собственного поражения. Мои глаза скользили по статьям утренней газеты, но мысли снова и снова уносились в тот день, когда я перестал быть демиургом и разрушителем в едином лице. Я вспоминал ее, мою Наяду. Дьяволицу в теле праведницы. Мое великолепное создание, ставшее мостом между Адом и нашим миром. Я вспоминал ее взгляд, полный ужаса и отчаянной надежды — тогда, на трибуне с петлей на шее, она заметила меня в толпе.

Не скорбь томила меня. Скорбь — это слабость, которую называли добродетелью. Я же впервые познал пустоту. Чистую, без примеси жалости. Смотрел в пропасть, встречался с ней взглядом, и понимал: они повесили не красивую девушку и не чудовище. Они повесили Феликса Маера, который был богом.

Всего неделю назад в моем подчинении был суккуб, в преданности и покорности не уступавший дрессированной собаке. И где-то в глубине души я предполагал именно такой исход. Но не предполагал, с чем он меня оставит. Благо, мой дядя, который, будучи членом оккультного сообщества, спонсировал эксперимент под названием «Наяда», не пережил наше общее творение. Он бы огорчился, увидев ее казнь. Посему я даже рад, что Наяда позаботилась о нем раньше. По крайней мере, у меня остались его деньги.

И незаинтересованность в их трате... Ведь ничто более не имело вкуса. Воздух не нес в себе того аромата, какой исходил от ее молочной кожи. Ни одна женщина не обладала достаточным магнетизмом, чтобы распалить желание, хотя бы немного напоминающее одержимость, которой Наяда губила всех мужчин вокруг себя.

Потрачено слишком много времени и сил. Потеряв результат, как любой автор шедевра, теперь я не мог выбраться из недр творческой фрустрации.

Но вдруг... Мой взор зацепился за один из заголовков в газете. Я не сразу понял, почему. Однако постепенно концентрация вернулась, и получилось дать себе отчет в том, что читаю. Название статьи было невзрачным и маленьким на фоне рекламы зубного порошка рядом, оно гласило:

«Танцевальная чума в Подграде! Скоро запляшет вся Европа!»

Где был Подград я не знал, но о танцевальной чуме был наслышан. Жуткий необъяснимый феномен случился в далеком 1518 году в Страсбурге. Тогда более сотни людей плясали без объяснимых причин и не останавливались, пока не падали замертво. Зараза прошла также внезапно, как и появилась. Но сейчас на дворе начало XX века. Какая причина могла бы захватить тела или разумы людей?

В статье говорилось о том, что вчера вечером в Подграде затанцевало сразу десять человек. Без музыки, двигаясь вразнобой, они стянулись к центральной площади и приня-

лись стирать о нее ноги.

Мой скептицизм пытался воспрянуть и усомниться в честности журналиста, писавшего статью, но любопытство оживилось быстрее. Знакомый огонь, по которому я так сильно скучал, вновь расцвел в груди и приятно растекся по венам. Танцевальная чума. То, что мне захотелось исследовать, чтобы понять. Чтобы лишить феномен волшебства и, следовательно, власти. Лишь одна власть имела право на существование — власть интеллекта. Ведь даже участвуя в ритуале с использованием древних магических рукописей, я помнил о том, что Наяда — обычная монахиня, мечтавшая получить божественное откровение при помощи моих навыков гипноза. Дядя верил, что ритуал сработал, что в ней действительно воплотился демон. Я же понимал, что «демон» всегда жил где-то глубоко внутри нее. Именно поэтому красивая магия казалась мне вполне подконтрольной. Но я ошибся.

Пусть же прошлое останется в прошлом. Дух исследователя встрепелся, расправил плечи. Наконец-то... Недопив кофе, я поднялся с кресла и покинул кафе, чтобы вскоре отправиться в очередное путешествие. И пока мой путь лежал к отелю, где смиренно ждала снятая комната, я курил и думал: что же заставляет тело предать своего хозяина? Наяда предала собственное имя, собственные заветы, собственную плоть, но мой подход к ней требовал индивидуальной точности. Мне пришлось сыграть роль искуителя в козлиной мас-

ке, чтобы преобразование показалось ей пугающе естественным. А в Подграде сразу десятеро потеряли себя в безумии ритма, который больше никто не слышит. Как это возможно?

К вечеру я уже стоял на перроне.

Глава 2. Путешествие в Подград

Подград встречал не радушно. Черно-бурый, смердящий мокрой землей и навозом, он напоминал мне поселение, существующее будто отдельно от всего окружающего мира. Местные были угрюмы. Пялились на меня исподлобья. Кто-то непременно оглядывался, оценивая мое чистое и дорогое пальто. Я слишком отличался от усталых грязных людей вокруг и прекрасно это осознавал. Их пассивная агрессия вызывала у меня улыбку, которую приходилось тщательно скрывать из приличия.

Городок оказался небольшим: несколько улиц пересекались на центральной площади с торговыми лавками и колодцем. Дома, в основном, двухэтажные, деревянные. Вся эта атмосфера медленного загнивания после Праги освежала, словно пощечина после долгой скуки. Вдалеке, на холме довольно отчетливо проступал силуэт богатого особняка. Туман лежал на нем траурным плащом, поддерживая образ надзирателя беднеющей низины. Зрелище, достойное того, чтобы назвать его захватывающим.

— Экипаж? — пристал ко мне невесть откуда взявшийся тощий подросток с зачуханной гнедой кобылой, которая одним лишь видом молила о смерти.

— Отвези меня туда, где можно снять приличную комнату, — ответил я с легким акцентом, разместившись на теле-

ге, сколоченной из досок. Саквояж уложил на колени. Стоимость уточнять не стал. Вот еще. Торговаться с мальчишкой... Заплачу достаточно, чтобы запомниться щедрым, но не идиотом.

Итак, пока меня везли в «Корону», никакой пляски посреди улиц не наблюдалось.

— Читал в газете, будто у вас вспышка танцевальной чумы, — решил уточнить я, едва ощущая привкус разочарования. — Это правда?

Юный извозчик активно затряс сальной челкой:

— О, да, добрый господин! Позавчера на площади человек десять будто с ума посходили. Дергались да корчились, хоть музыки было не слышать! Старик один вовсе помер от удара — дряхлый был совсем. А вы чего вопрошаете? Приехали из-за этой напасти?

— Да, — мягко улыбнулся я, но не глазами. — Я журналист. Работаю с крупными венскими и пражскими редакциями. Хочу написать собственную статью об этой вспышке. Как тебя зовут?

— Никол.

— Ответь-ка, Никол, что же потом стряслось с танцующими?

— Они плясали до самой ночи. А затем приехала черная карета с людьми в странных масках. Плясунов связали, погрузили внутрь и отвезли на холм. Как потом слышал, в Подград приехал доктор и арендовал особняк. Одно крыло

в нем оформилось под лазарет, Крыло Песни. Туда-то и велено свозить всех заболевших.

Крыло Песни. Любопытное название для места лечения одержимых неслышимой музыкой. А еще любопытна формулировка «велено свозить». Приезжий доктор действовал слишком быстро для растерянного чужака. Догадка завертелась в голове сама собой: неужто он как-то причастен к чуме? В город явился почти сразу, утвердился — еще быстрее.

Внезапно я почувствовал укол — не тревоги, нет. Чего-то более острого... Ревности, быть может? Любопытства? Того особенного чувства, которое возникает, когдаходишь в логово, уверенный, что ты единственный хищник, и чувствуешь чужой запах.

— Что известно о состоянии больных в Крыле? Ты бывал там, Никол?

Тот подумал немного и посмотрел на меня через плечо.

— Туда абы кого не пускают, добрый господин. Но вчера я подвозил хозяйку «Короны» к особняку. В Крыле Песни лежит ее кровная сестра. Знаете, снаружи ничего особенного. Просто богатый двор, обнесенный высокой оградой с пиками.

Значит, придется общаться с владелицей отеля дольше, чем мне бы хотелось. Вздохнув, я достал из портсигара сигарету и закурил. Дома проплывали мимо темными тенями и было приятно заглушить их аромат сырости дорогим дымом.

Фасад отеля «Корона» не шибко отличался от фасадов

вокруг. Табличка выцвела, покосилась, и это болезненно цепляло мой взгляд. Внутри — тоже ничего интересного. Нехватка освещения, голые деревянные стены, пара массивных столов. Ко мне навстречу сразу выступила сухая женщина лет сорока. В целом, опрятно одетая, но с таким угрюмым лицом, словно я был повинен во всех ее жизненных драмах. Однако, оценив мой внешний вид, она тут же нацепила улыбку. Видимо, рассмотрела в посетителе того, кто способен хорошо заплатить.

— Доброго дня! Чего желаете? — женщина очень старалась изобразить приветливость.

Тут же со второго этажа сбежала девушка младше. Судя по платью, выполняющая задачи служанки. Возможно, дочь хозяйки. Симпатичная, с длинной русой косой и голубыми глазами. Она тоже кивнула, но с заметной тенью кокетства. Не пошлого, а тщательно скрытого — ей самой было стыдно за это чувство.

— Доброго дня. — Я снял шляпу и вежливо улыбнулся владелице, понимая, что в таких местах, как это, следует не скупиться на вежливость, если хочу получить чистые простыни. — Комнату, пожалуйста. Лучшую, что у вас есть. На неделю. Быть может дольше.

Разумеется, мне было неведомо, насколько это правда. Но «на неделю» звучало, как обещание неплохих денег, а неопределенность позволяла уехать хоть завтра.

На девушку я не смотрел намеренно. Смотрел мимо: на

ее мать, на стойку, на лестницу. Пускай рассматривает меня безнаказанно. Пока что. Ведь внимание подобно свету. Направь его на человека — и он сожмется. Убери — потянется следом.

— И кофе, если можно. Я с дороги.

— Конечно-конечно, уважаемый герр!

Как ловко она определила мой акцент, хотя я старался говорить как можно чище. Женщина хлопотала, выделила мне ключ от лучшей спальни. Затем поспешила на крохотную кухню, которая была тут же, чтобы приготовить кофе.

— Скажите, — начал интересоваться я, — у вас тут, говорят, люди на площади танцуют? Неужто не лгут газеты?

— Ох, не лгут, — тяжело выдохнула хозяйка. — Я своими глазами видела. Моя сестра танцевала там, корчилась. Но в Подград откуда-то из-за границы доктор приехал. Всех зараженных отправили на карантин. Наш пастырь рекомендует чаще молиться... А откуда приехали вы?

Она вручила мне чашку с кофе. Я попробовал и лишь усилием воли не выдал отвращение. Вместо этого с выражением полного удовольствия ответил:

— Из Праги.

Полуправда. Но правда ей и ни к чему. Я смягчил голос, изобразив сочувствие настолько хорошо, что отличить мог бы только тот, кто умеет так же:

— Ваша сестра... Мне жаль. Вы ее навещали? Как она?

Сочувствующему слушателю расскажут в три раза боль-

ше, чем просто любопытному чужаку. Ведь людям куда приятнее быть источником жалости, а не источником информации.

Сделав глоток кофе, я лишь сейчас якобы невзначай встретился взглядом с дочерью хозяйки. На одно мгновение. Коротко, тепло, с тенью улыбки, говорящей о том, что ее по-настоящему заметили. Реакция была предсказуема: несчастная вспыхнула щеками и смущенно вперилась в пол.

Она даже не догадывалась, что я думал в тот момент не о ней, а о пастыре Подграда, потому как вовлеченность церкви в происшествие — может быть важным фактором. Все-таки доктор лечит тело, а пастырь — душу. Что, если оба делят одну паству?

Владелица «Короны» ответила:

— Да, я приходила к сестре. Но долго быть в Крыле Песни нельзя. Прикасаются к больным тоже нельзя. Они все там не в себе — лежат да дергаются. Но доктор сказала, что изучает болезнь и совсем скоро сможет всех вылечить. А пока что смертей хватает. Люди умирают от истощения или гангрены...

«Доктор сказала», — повторно пронеслось в моей голове. Выходит, доктор — женщина? Интересно.

— Доктор ведь не местная? Каким ветром ее занесло? — осторожно поинтересовался я, словно пытаюсь понять, насколько доверяют ей местные.

— Из Германии, — задумалась женщина, хмуря брови.

— Из Берлина, наверное. Судя по всему, доктор — человек непростой. Может, аристократка. При ней много слуг, все в черном, одеты дорого и одинаково. У нее и лошади есть, и экипажи.

Кивая, я попивал из чашки и игнорировал жженую горечь напитка на корне языка. Женщина-врач, приехавшая из-за границы в богом забытый Подград сразу же после вспышки болезни. Арендовала роскошный особняк. Привезла с собой людей. В масках. Все это казалось мне какой-то театральной постановкой. И это увлекало.

— Хорошо ли она относится к пациентам? Вы сказали, что смертей хватает. Но были ли те, кому помогла эта доктор... как ее зовут?

— Доктор Сокорро, — кивнула владелица. — Трудное имя для наших земель. Поэтому мы зовем ее просто доктор.

Сокорро. Испанское имя, означающее «Помощь». Я чуть не прыснул. Назвать себя «помощью» и посылать безликих слуг, облаченных в черное, чтобы те связывали больных и запирали в Крыле Песни — было в этом что-то ироничное.

Тем временем женщина продолжала отвечать на вопросы:

— Сегодня утром слышала, будто из Крыла выписали одного. Единственного. Ему пришлось ампутировать обе ноги из-за заражения, но жена настояла на том, чтобы вернуть мужа домой. Он больше не трепыхается, находится в сознании. Только вот стал крайне чувствителен ко всем звукам вокруг. Говорят, его до бешенства доводит даже дыхание супруги в

соседней комнате. Вот так вот.

— Заражение, истощение, — тихо произнес я, и в тоне моем было столько скорби, сколько вполне должно было хватить, чтобы хозяйка «Короны» поверила в мою искреннюю вовлеченность. — Бедные люди. Значит, доктор пока не нашла универсального лекарства. Лишь единственный случай выздоровления, которое сложно и выздоровлением назвать.

Отставил пустую чашку.

— Пожалуй, пойду устроюсь. Спасибо вам за кофе и за разговор. Если вам нужно передать что-нибудь сестре — я собираюсь навестить Крыло Песни завтра утром. Мне было бы приятно помочь.

— Конечно-конечно! Устраивайтесь, герр... Ах! Я совсем забыла вписать ваше имя в журнал.

— И правда, — изобразил я легкую рассеянность. — Прощу прощения за то, что забыл представиться. Феликс Маер.

Все это время девушка-служанка почти отчаянно пожирала меня взглядом, безмолвно и безответно требуя повторить тот жест, который вынудил ее сгореть на месте.

— А как вас зовут? И вашу дочь, полагаю? — Я посмотрел на нее только сейчас. Спокойно и открыто, без того мимолетного тепла, которое подарил ей пару минут назад. Это распыло ее. Ввело в полную растерянность. Иначе и быть не могло.

— Зовите меня просто Розалия, — ответила с улыбкой владелица отеля. — А это — Тереза. Вы угадали, она моя

дочь. Насчет визита в Крыло позвольте предупредить: вас могут не пустить. Там с посещениями строго!

— Вы правы, могут не пустить. Но я, знаете ли, журналист и литератор. Доктора обычно не против внимания прессы, если пресса настроена доброжелательно. А я настроен очень доброжелательно.

Теперь Розалия знала, что ее постоялец — человек, который пишет. Человек, который может написать о Подграде. О докторе Сокорро. О ее «Короне». И это делало меня уже не просто чужаком с деньгами, а важным чужаком с деньгами.

— Ох! В таком случае, герр Маер, у вас обязательно все получится. Не смею сомневаться. Если узнаете что-нибудь про лечение от доктора, прошу, расскажите мне. Буду признательна.

— Непременно, Розалия. Вы узнаете первой. Хорошего вечера.

Я направился к лестнице, попутно кивнув девушке без какого-либо намека и улыбки:

— Тереза. — Коротко обозначил ее имя в знак прощания и того, что ее запомнили.

Моя комната оказалась маленькой, но чистой. С единственным окном на улицу. Здесь была кровать, стол, таз для умывания.

Поставив саквояж у постели, я достал из кармана блокнот и сделал в нем несколько заметок. Потом закурил и погрузился в размышления над тем, как попасть в Крыло Песни.

К вечеру звуки города начали затихать. Я стоял и курил, глядя из окна на бурые крыши, мокрую мостовую и туманный холм вдалеке. Где-то там, под надзором приезжего доктора, люди продолжают мучиться в нескончаемом танце. Но мучаются ли они или же их разум всецело отдался экстазу? Предполагать наверняка я не смел, покуда не видел их лиц.

Прямо под отелем загрохотали колеса и послышался грузный цокот копыт. Вдохнув дым, я наблюдал, как мимо медленно проезжает черный крытый экипаж, запряженный парой холеных коней фризской породы. Да, это определенно были фризцы. Роскошные, вороные, с пушистыми бабками. Карета двигалась по узкой улице нелепо: она была слишком большая, слишком красивая и слишком чужая для этих мест. Путь она держала в сторону холма.

В мою дверь робко постучали.

— Герр Маер, все ли в порядке? Принести вам ужин? — тихий голос Терезы дрожал от волнения, хотя я не был первым постояльцем в ее жизни.

Дождавшись, когда карета растворится в темноте, я повернулся к двери.

— Войди, Тереза.

Когда она вошла, я уже сидел за столом над закрытым блокнотом и без сигареты. Девушка задержала взгляд на моем расстегнутом жилете и слегка смутилась такого расслабленно-домашнего вида. Ее пальцы нервно метнулись к юбке платья и принялись теревить ткань. Голубые глаза смотрели

на меня с чем-то таким... безмолвным, но затягивающим, как трясина. Бедняга совершенно не знала, как вести себя рядом.

— Ужин — с удовольствием. Благодарю, — я посмотрел в ответ спокойно и прямо. — Скажи — эта черная карета, которая только что проехала, — она часто ездит по ночам?

— По городу ездят две кареты, — почти прошептала она, сделав еще один шаг глубже в комнату. Навстречу мне. — Это патруль, организованный доктором, чтобы вовремя находить зараженных.

Какая милосердная забота, если не смотреть глубже. Похоже, доктор Сокорро контролирует не только лазарет, а весь город. И насмерть перепуганный Подград позволяет это.

Тереза сделала еще шаг. В тихой комнате, казалось, слышался быстрый стук ее сердца.

— Матушка не знает, но прошлой ночью моя подруга Мина тоже заболела. И сейчас она в Крыле. Мина должна была прийти на встречу с одним герром, но так и не явилась.

Я не двинулся. Позволял ей приближаться, как позволяют дикому зверю приблизиться к руке: не шевелясь и не торопя. Мой взгляд стал теплее, чтобы девушка почувствовала себя в безопасности.

— Сядь, — мягко кивнул в сторону кровати, когда понял, что сокращение расстояния между нами остановилось. — Расскажи о подруге. Мужчина, с которым она встречалась, тоже заболел?

От моего приглашения девушка вся зарделась. Она помедлила, утопая в колебаниях, но послушалась беспрекословно. Села на постель ровно и прямо, позабыв как дышать. Не удивительно: состоятельный журналист из Праги — настоящее событие. Терезе хотелось уцепиться за него, но она не знала, как.

Я видел ясно и мог бы получить все. Легко. Один жест, одно слово, прикосновение к руке — и она бы осталась. А утром ненавидела бы себя или обожала бы меня. Признаться, оба варианта были бы мне полезны. Однако, не сейчас. Слишком просто и безвкусно. Я не привык делать просто то, что можно сделать красиво.

— Мина жила напротив «Короны» с матерью и сестрой, — держала ответ Тереза, наблюдая за тем, как я достаю новую сигарету. — Так вышло, что у нее завязались отношения с женатым мужчиной. Поэтому они виделись тайно. Обычно, по ночам. Но той ночью кавалер так и не дождался. Он-то остался здоровым, а вот Мину обнаружили, пляшущей у чужого сарая, в одиночестве.

Значит, болезнь настигла ее одну. Между домом и местом встречи. Это не похоже на заразу, передающуюся от человека к человеку. Это похоже на что-то, способное выбирать. Я медленно затянулся и вдруг заметил, как пальцы Терезы поглаживают покрывало. Жест неторопливый, бессознательный, но жадный, как у ребенка, которому дали подержать чужую игрушку. Не подав виду, дал ей маленькое обещание:

— Ты боишься за Мину. Я это вижу. Если получится завтра попасть в Крыло Песни, посмотрю, как с ней обращаются.

— Спасибо, герр Маер, — Тереза рвано выдохнула. — Для меня это так важно!

— Есть ли что-нибудь еще, что мне следует узнать прежде, чем посетить лазарет?

Девушка подумала немного и ответила:

— Знаете, те люди в каретах... Они странные. Никто не понимает, зачем им прятать лица. Матушка рассказала, что видела их без масок в Крыле. Они жутковатые.

— Жутковатые? — удивленно приподнял бровь я, неспешно выпустив сизую дымку в пространство. Сигарета почти догорела. — Что именно сказала Розалия?

— Она сказала, что эти люди будто другой народности. У них такие черты лица, что неприятно смотреть. Кожа белесая, а глаза — черные, как угли. Видать, потому и носят маски. Чтоб наш люд набожный не смущать.

Другая народность. Это не цыгане, не мавры, не южане. Бледные — значит не заморские в привычном смысле. При этом черноглазые и с внешностью, от которой простой женщине Подграда стало не по себе. Розалия не назвала их уродами, не назвала больными. Лишь отметила, что лицеизреть их — удовольствие не из лучших. Но почему? Что именно лишало их «правильных» черт?

Внешне оставаясь спокойным, я ощутил, как мой внут-

ренный инструмент, который всегда безошибочно отличал обычное от необычного, тихо зазвенел. Быть может, именно так звучал голос интуиции.

Что же ты привезла с собой, доктор Сокорро?

— Благодарю, Тереза. Это важно. — Я неторопливо потушил сигарету и подошел к служанке. Не слишком близко, но достаточно, чтобы та ощутила мое присутствие, запах табака. Моя ладонь легла к ней на плечо. Легкое, короткое, почти отеческое прикосновение. Почти. — Ступай отдыхать. Завтра я разберусь с Крылом.

Казалось, что на этот раз она забыла не только как дышать, но и как гнать кровь по венам. Убрав руку, я улыбнулся ей. По-настоящему. Или же настолько похоже, что все равно.

— И принеси мне ужин, если не трудно. Я, кажется, голоден.

Тереза вспорхнула с кровати мотыльком, пообещала мне невероятно вкусную мясную кашу, которую приготовила сама, и исчезла за дверью.

Каша действительно оказалась хорошей. Простая. Впрочем, как и все в этом городке, кроме того, что поселилось на холме. После ужина я еще некоторое время не мог уснуть — лежал в кромешной тьме, слушая тишину улицы. Подград спал. Или прятался от таинственной чумы в полном безмолвии.

Мысли о том, что доктор Сокорро явилась в город почти сразу, никак не давали покоя. Не одна, а уже с каретами и

слугами в масках. Будто знала заранее. Она забирает танцующих в закрытый особняк, часть которого назвала Крылом Песни.

Песни... И они танцуют там.

Невольная улыбка коснулась губ: завтра узнаю больше.

Глава 3. Особняк

Около четырех часов утра, когда солнце еще спало, мой чуткий сон испарился под громкие стоны и топот, доносившиеся из открытого окна. Не зажигая лампу, я поднялся с кровати так же тихо, как в ночь, когда покидал спальню Наяды перед задержанием. Подошел к окну.

Под отелем вдоль улицы нелепыми скачками двигались двое: мужчина и женщина. Ломанные подергивания делали их похожими на марионеток в руках пьяного кукловода. Ноги топотали по мостовой так, словно не знали усталости, а руки то взмывали к луне, то опадали мокрыми тряпками. При этом сложно было не заметить напряжение пальцев — они изогнулись почти в крючки. Я также разглядел их лица, и никакой пелены экстаза там не было. Лишь замершие боль и ужас. Танцующие вертелись, затем цеплялись друг за друга и расходились вновь. Но каждый следовал своему собственному ритму движений.

Дьявол побери, как же волнующе это выглядело! Красиво. Даже более, чем красиво. Вдоль моей шеи к затылку поползли мурашки. Прижавшись лбом к стеклу, холодному и влажному от ночной сырости, я жадно смотрел. И ждал.

Некоторое время пара еще трепыхалась в танце, но затем из дома напротив выбежал мужчина в халате и поднял крик. Он затряс женщину — с бесполезной надеждой, как

трясут поломанные часы. Ее сознание было не здесь, а глубоко за мокрыми немигающими глазами. На улицу выбежал еще один жилец. Он от души ударил пляшущего мужчину в челюсть. Хороший удар тут же уложил бедолагу на мостовую, однако тот продолжил выгибаться и танцевать лежа.

— Позовите патруль! — гаркнул тип в халате. И совсем скоро черная карета явилась. Остановилась возле «Короны» и выпустила из себя двух рослых людей в черных костюмах и белых масках. Все, что несло их лицо — две округлые резины для глаз. Ни носа, ни рта.

Безликие ринулись к зараженным с толстыми веревками в руках. Методично и проворно они связали сперва женщину, затем мужчину. Обоих затащили в экипаж. Их работа была профессиональной и совершенно лишенной какой-либо суеты.

Еще одна фигура притянула мое внимание. Извозчик... Он единственный не прятал лицо, предпочтя шляпу маске. Будто ощутив на себе взгляд, извозчик медленно повернул голову в сторону моего окна. В лунном свете лицо его выглядело белым, как пудра. Худое, с острыми скулами, о которые, казалось, можно порезаться. Длинный нос был орлиным, с узкой переносицей. Тонкие губы недовольно сжаты. А глаза... Пожалуй, в них и заключалось самое жуткое. Непроглядно черные, пронзительные и... злые. Создавалось ощущение, словно он смотрит в душу. Словно знает обо всем, что я сделал. Видит всю мою тьму.

Впервые за долгое время что-то внутри меня сжалось. Нет, вовсе не от страха. Скорее от ощущения вскрытия. Но затем извозчик тихо хмыкнул, и неспешно, как старый ворон, отвернулся. Дождавшись, когда пара плясунов окажется в карете, он тронул фриз и поехал к холму.

Некоторое время я все еще стоял у окна — курил и анализировал увиденное. Патруль отреагировал удивительно быстро. Был поблизости и услышал зов? Или же наблюдал? И тот извозчик... Вполне себе человек, но Розалия права: нечто чужеродное было ему присуще.

Уснуть удалось только с началом рассвета. И то ненадолго: стоило солнечным лучам пригреть, как улицы ожили и заполнились какофонией разговоров. словно ночью ничего не произошло. Внизу «Короны» тоже ощутилась возня, окончательно вернувшая меня в реальность из тяжелого полубреда бдящего и одновременно спящего мозга. Тереза проснулась рано и, судя по звуку ее легких шагов, хлопотала на кухне, слушая порицания матери. Причину спора выяснять желания не имелось.

Умывшись, я принялся тщательно подбирать наряд для достойного появления в Крыле Песни. Мой выбор пал на серый костюм, белую рубашку и темный галстук. Просто, дорого, безупречно. Ведь одежда — это первая фраза, которую говоришь человеку еще до того, как открыл рот. И фраза эта должна звучать: я — ровня.

Наконец, я спустился вниз. Узрев меня, Тереза облилась

водой, которую заливала в чайник.

— Дубина! — замахнулась на нее мать, но не ударила.

Тут же повернулась ко мне и расцвела, как пион:

— Герр Маер! Доброго утра! Желаете кофе?

С вежливой сдержанностью я одинаково кивнул обоим:

— Доброго утра, Розалия. Доброго утра, Тереза. От кофе не откажусь, благодарю. Заодно не подскажете ли, как лучше добраться до особняка доктора Сокорро?

— Явно не пешком, герр Маер, — Розалия уперла руки в широкие бедра, оценивая меня снизу вверх. — В таком-то виде по нашим грязным дорогам лучше не ходить. Прямо за «Короной» есть огражденный дом с огромным участком. Там живет семья Фуч. Они фермеры и держат лошадей. Думаю, у них вы можете арендовать лошадь или нанять в качестве извозчика их сынишку Никола.

А, Никол. Уверен, он запомнил меня так же хорошо, как я его.

Вскоре Тереза подала мне кофе, не упустив возможности тайком от матери подарить теплую улыбку. Я сделал вид, что не заметил этот невербальный флирт, но позволил пальцам коснуться ее, пока принимал чашку. Короткий случайный жест.

— Спасибо. Превосходный кофе.

Такой же, как вчера. Скверный на вкус. Но Тереза не узнает об этом.

Сегодня день обещал быть нетипично солнечным и теп-

лым для Подграда. Казалось, будто город создан лишь для нескончаемой мороси и туманов, но никак не для солнца. Свет лишь сильнее подчеркивал все изъяны и трещины в стенах да крышах, создавая контраст с трелью довольных птиц. Точно далекая музыка со свадьбы, слышимая посреди кладбища.

В моей голове уже выстроился четкий план: достать лошадь, подняться на холм, а там представиться журналистом из Праги. Доктор, который арендует особняк в чужой стране и устраивает карантин, не может позволить себе плохую прессу. Меня либо впустят, чтобы контролировать все, что я напишу, — либо не впустят и дадут повод копать глубже. Оба исхода были мне на руку.

— Может, собрать еды в дорогу? — заботливо предложила Тереза. Тут же на нее упал тяжелый взгляд матери, которая впервые догадалась, что дочь заинтересовалась постыльцем. И она была права в своем гневе. Как бы ни восхищалась ястребом курица, известно, чем для него она станет.

Нужно было погасить это. Ради удобства. Ведь если Розалия решит, что чувства дочки не безответны — будет скандал. Подград достаточно мал, чтобы я скоротечно понес репутационные потери и остался на улице. Нет. Слишком рано.

— Благодарю, не стоит, — ответил я ровно и вежливо. Так, как отвечают прислуге.

Потом повернулся к Розалии и добавил теплее, доверительнее, словно только она одна была тем человеком, с кото-

рым здесь следует обсуждать дела:

— Розалия, я помню о вашей сестре. Если меня пустят в Крыло — постараюсь навестить. Как ее зовут?

Та мгновенно расслабилась и расправила плечи. В отличие от поникшей Терезы, которая ощутила себя мебелью и теперь страдала. Я видел эту жгучую боль, но она же привяжет девицу крепче, чем любая ласка.

— Сестру зовут Мара, — ответила хозяйка отеля. — Мара Коваш. Буду вам бесконечно благодарна за заботу, герр Маер!

Качнув головой, я взял шляпу и, наконец, покинул «Корону». Ясная погода делала город особенно живым. Многочисленные прохожие вновь на меня косились. Кто-то оценивал, кто-то — ненавидел. Какая же приятная лесть.

Вот и дом мальчишки. Едва я подошел ближе к высокой деревянной ограде, как створы врат распахнулись, и из них вяло выступил сам Никол. Он с усилием тащил за собой ту самую чахлую лошадь. На сей раз животное хотя бы почистили.

Никол не заметил меня сразу. Он был сонным, все еще зевал, прикрывая рот одной рукой, пока вторая тянула поводья. Но стоило ему обернуться, как брови его взмыли к челке. Сонная кислотность слетела как шелуха.

— Эй! — воскликнул он бодро и живо. — Вы же герр журналист!

— Доброго утра, Никол. Как раз искал тебя.

— Меня?! — парень обнадеженно выпрямился. Весь его вид твердил о том, что он готов взяться за любое дело, доверенное приезжим господином, связанным с прессой.

— Мне нужна лошадь до Крыла Песни, — сообщил я, достав портсигар и вынув сигарету. Протянул ее Николу. Когда тот неуверенно взял, достал и себе одну. Мы закурили. — У вас на ферме найдется подходящая?

Поглядев по сторонам, он заговорщически зашептал, сверля меня зелеными глазами:

— Вы зря недооцениваете Кучку, — Никол кивнул на свою полудохлую грязно-рыжую подругу. Лошадь сразу же наострила уши. — Она просто не выпалась. Стоит ей яблок пожевать, как сила из всех мест прет! Я на ней заезжал на холм и спускался обратно. Быстро-быстро. Уверяю, эта барышня довезет резво, но, если не привяжете, вернется домой. Тогда вам придется пешком назад идти.

— Что ж, седлай, — я выдохнул серое облако и почесал кобылу по шее. Та воззрилась на меня с выражением глубокого недоверия.

На лице Никола растянулась широкая алчная улыбка. Он почуял наживу и не собирался делиться с кем-то из родни. Именно поэтому парень осторожно заглянул во двор. Убедившись, что отец достаточно далеко, чтобы не заметить, он быстро, как вор, побежал на цыпочках в конюшню за снаряжением Кучки.

Вскоре она была оседлана, а малец радовался щедрой пла-

те за аренду. Затянувшись в последний раз, я бросил окуроч и растер его каблуком.

— Ну что, — обратился к Кучке. — Покажи мне, на что ты способна.

Дорога на холм была одна. И чем дальше от города, тем размытей она становилась, петляя между деревьями, ветви которых смыкались над головой мрачными сводами. Солнце, которое с такой охотой демонстрировало все уродства Подграда, здесь терялось среди желтеющей листвы.

Кучка шла ровно. Не важно, подгоняют ее пятками или тормозят поводьями — это животное знало свой ритм и не собиралось подстраиваться под незнакомца. Такое упрямство невольно вызывало уважение. Я не истязал кобылу. Ее темп не мешал моим размышлениям.

Вымышленная история казалась мне складной: я — журналист из Праги, который хочет рассказать миру о самоотверженной работе доктора Сокорро. Да, поначалу лесть. Мой первый ключ. Если не сработает, в ход пойдет второй ключ — любопытство. Ведь можно написать и о том, что доктору есть, что прятать от прессы. А если и это не сработает... Что ж, у меня остались Розалия и Тереза, чьими руками я бы смог отворить двери в Крыло Песни.

Деревья расступились, явив предо мной высокую кованую ограду с острыми пиками наверху. Кое-где ее оплетал густой плющ. Эдакая живая занавеска, которая тщетно пыталась скрыть двухэтажный особняк. Выглядел дом ветхо, темно,

но не запущенно. Двор за оградой также радовал взор ухоженностью. Запахи здесь отличались от ароматов Подграда: сырость камня и сложно определяемая сладость... то ли яблок, то ли цветов.

И тишина... Ни стонов, ни шагов.

Спешившись, я привязал Кучку к дереву у дороги. Та немедленно опустила голову и принялась щипать траву с видом существа, выполнившего свой долг. Я же подошел к воротам и постучал.

В тот самый миг всю священную тишь в клочья разорвал лай столь низкий и ужасающий, что был бы под стать демонической твари. К оgrade подбежал черный дог поистине исполинских размеров. Он угрожающе тыкался мордой в прутья и скалил клыки, брызжа слюной. В его глазах, переполненных яростью, я читал отчаянное желание расправиться со мной.

Маленькое прямоугольное окошко на воротах долго не отворялось. И все это время пес свирепствовал и сходил с ума. Я не боялся его, а смиренно ждал, пока кому-нибудь не надоест этот шум. Наконец, заслонка окошка со скрипом отъехала в сторону. На меня уставились неприятные черные глаза, так сильно напоминающие глаза извозчика. Это был точно не он, но взгляд — такой же холодный и презирающий. А кожа — такая же белая и матовая, как мел. Лицо тоже имело иные черты, однако его и извозчика явно роднило что-то. Единый предок, быть может?

— Кто вы такой и зачем пожаловали? — его вежливость лежала поверх яда неприязни прозрачной корочкой.

Приятным тоном, без тени просительности, я ответил ему:

— Доброго дня. Меня зовут Феликс Маер. Я журналист, пишу для нескольких пражских и венских изданий. Приехал в Подград, прочитав о вспышке танцевальной чумы. — За-молчал на секунду, чтобы бледный усвоил сказанное. Затем продолжил: — Я хотел бы поговорить с доктором Сокорро. То, что она делает здесь, — карантин, лазарет, помощь горожанам, — это заслуживает внимания. Доброжелательного внимания.

С улыбкой я глядел сквозь тьму его глаз, сквозь самого слугу.

— Передайте ей, пожалуйста. Я подожду.

Дог заходился лаем, но я смотрел на мужчину за воротами, пока тот не задвинул окошко и не отошел куда-то вглубь двора. Он не оставил мне ни слов, ни обещаний. Только скалящегося пса и неизвестность. Не слишком манерно с его стороны. Однако, это поведение лишь пуще прежнего накалило желание понять, кто или что такое он и его собратья, подчиняющиеся доктору.

Как много загадок. Не слишком ли для маленького городка?

Несколько минут спустя слуга вернулся. Не скрывая разочарования обнаружить настойчивого посетителя на том же

месте, он все же схватил пса за ошейник и пропустил меня. Но стоило пройти несколько шагов, как собаку охватила настолько сильная ярость, что щуплый слуга едва ли удерживал ее.

И вот пальцы бледного соскользнули...

Брызжа вязкой слюной, дог понесся на меня. Массивные лапы оттолкнулись от земли и отправили тело в смертоносный прыжок. Я даже подумать не успел — только рефлексивно выставил навстречу исполинской пасти предплечье.

Вдруг неожиданный выстрел. Птицы за особняком мгновенно взмыли в небо. Не завершив прыжок, дог упал на лапы и, скуля, прижался к земле. В такой поверженной позиции он поспешил убраться подальше. Чего таить, я тоже застыл, как дерево. Слушал скорый ритм собственного сердца и противный звон в ушах.

Откуда-то из-за особняка, где виднелся парк, приближался утонченный черный силуэт с ружьем в руках. Девушка, лет на десять младше меня. Вороные волосы собраны в тугой пучок на затылке. Болезненно бледная, но вполне по-человечески, в отличие от ее слуг. Корсет туго стягивал талию поверх белой блузки с ажурным высоким воротом. Снизу — темные штаны для верховой езды и высокие сапоги. Совсем не по моде.

Мой придуманный образ оказался неправильным. Прежде воображение рисовало женщину старше и тяжелее. Привыкшую выражать власть через давление. Быть может,

вдову или профессоршу. Кого-то, в ком авторитет был результатом возраста и опыта.

Теперь же новые вопросы натекли сами собой. Каким образом столь молодая особа успела стать доктором? Имеется ли у нее документ, подтверждающий компетентность? Откуда у нее вся эта роскошь и власть?

Она остановилась в паре шагов от меня. Холодные карие глаза изучали пристально, но взгляд не нес в себе никакой женской оценки. Ее оценка была совсем иной, но вполне знакомой мне.

Лабораторной.

— Герр Маер. Доброго дня. — Поприветствовала она первой, без дружелюбной улыбки и без теплоты. Ястребиные брови оставались неподвижными. — Прошу прощения за Сэра. Он выполнял свой собачий долг. Вы не ранены?

Доктор передала ружье слуге, и тот поспешно оставил нас наедине.

— Не ранен, — сказал я. — Благодарю. Сэр — великолепный зверь. Впрочем, у вас здесь, кажется, все великолепное.

Комплимент пролетел мимо мишени, как пуля начинающего стрелка. Казалось, будто я разговаривал со статуей. Это малость оцарапало мою гордыню. Пришлось перейти сразу к делу:

— Доктор Сокорро, — я слегка наклонил голову в знак уважения, но без подобострастия. — Я не отниму у вас много времени. Вам наверняка сообщили о том, что я журна-

лист. Пишу о танцевальной чуме в Подграде. И мне хотелось бы написать правду, а не то, что напишут мои коллеги, если вы не расскажете свою версию первой.

— Что ж, — аристократично приподняв подбородок, она решительно протянула мне руку, и я пожал. — Будем знакомы, герр журналист. Если быть честной, сейчас не лучшее время для публичности. Болезнь необычная, и изучить ее так быстро, как бы мне хотелось, не получается. Что меня, безусловно, огорчает. В данный момент я ищу способы вернуть людям власть над их телами. У моих экспериментов есть положительные результаты... Некоторые больные близки к выздоровлению. Но количество зараженных растет — сегодня на рассвете доставили еще двоих. Впрочем, обо всем по порядку, верно?

Хоть мимика Сокорро была непроницаемой, впервые легкая тень улыбки покрыла ее взор. Но, отнюдь, не сделала его мягче.

— Вы прибыли издалека. Это заметно, — продолжила она, не моргая. — Должно быть, вам не посчастливилось снять комнату где-то в Подграде. Это место не под стать такому господину. Позвольте же пригласить вас на обед как гостя. Затем я отвечу на все вопросы для... газеты.

Эта короткая пауза... Я понял, что доктор мне несколько не доверяет и даже не собирается скрывать это. Однако неприязнь не звучала в ее отстраненном тихом голосе, а приглашение на обед было решением лучше меня рассмот-

реть. Она хотела определить, о чем может мне поведать, а о чем лучше промолчать. Значит, ее персона все-таки нуждается во внимании со стороны, пусть во внимании определенном и контролируемом. Для меня это была возможность провести время внутри особняка, к которому примыкали два крыла. И одно из них — Крыло Песни, в которое я был намерен напроситься.

— С удовольствием приму приглашение, — с легкостью ответил я. — Вы правы, «Корона» — не вершина комфорта. Но каша там неплоха.

Никак не прокомментировав, Сокорро направилась к парадной двери. Она шла гордо и без спешки, с такой ровной спиной, словно вместо позвоночника несла в себе стальную спицу. Я же ступал на полшага позади, осматривался вокруг.

То, что территория была заброшенной долгое время, сложно было не заметить: кое-где во дворе еще не скосили траву, торчащую выше щиколотки. Сад тоже не дышал свежестью. Судя по толстым стволам яблонь, выглядывающих из-за лысоватой живой изгороди, и поросшим мхом мраморным изваяниям, он был брошенным стариком, настойчиво и бесцельно цепляющимся за жизнь, вопреки беспощадному времени. Сейчас его пытались привести в порядок. Я видел двух работающих садовников — таких же бледных и черноглазых, с белесыми до прозрачности волосами.

Где же ты их набрала, доктор?

Слуги мелькали то тут, то там. И никто не проводил вре-

меня праздну. Кто-то подметал вымощенные камнем дорожки. Кто-то мыл остроконечные узкие окна в центральном здании особняка, который, к слову, выглядел так, будто давно согласился со своей участью кануть в небытие, но был беспощадно возвращен к жизни.

Пока мы подходили, молчание обросло ощутимой тяжестью. Я решил подхватить фразу Сокорро, чтобы исправить это:

— Вы сказали, что есть положительные результаты. Это прекрасная новость. Подград в страхе. Люди не понимают, что происходит. Доброе слово от доктора, которая действительно лечит, — это именно то, что им нужно прочитать. — Я прервался на мгновение и продолжил: — Что это за болезнь по-вашему? Вы упомянули, что она необычная. Но доводилось ли вам ранее сталкиваться с подобным?

Девушка заговорила, не оборачиваясь:

— Танцевальная чума — феномен нераскрытый. В истории Европы он уже встречался. Очень давно. Тогда болезнь вспыхнула также внезапно, как и пропала. Лично я не встречалась ни с чем похожим прежде. Однако, так сложилось, что я с малых лет много путешествую и многое изучаю. Некоторые знания показались складными, и позволили мне продвинуться в экспериментах по поиску лечения.

Она подошла к крыльцу, взглянула на меня. Прямо в глаза. В ее омутах я отметил что-то новое. Нечто неоднозначное, вопрошающее и сомневающееся одновременно. Щупы

ее ауры пронизывали меня, выискивая ответ на этот неозвученный вопрос. Так смотрят перед тем, как совершить неисправимое. Так смотрят на крыс, прежде чем выбрать достаточно подходящую для открытий во имя науки. Видимо, Сокорро была уверена в себе, как в высшем звене пищевой цепи. Мне захотелось снисходительно умилиться, но я сдержался.

— Прошу, следуйте за мной. — Наконец, молвила она, отворяя дверь. Решение было принято. — Будьте моим гостем. Это большая редкость в здешних краях — встретить кого-то другого. У вас акцент, когда вы говорите на местном, герр Маер.

— Вы наблюдательны, госпожа Сокорро. Акцент я обычно скрываю лучше.

Впредь мы общались на языке, привычном для обоих.

Нас встретил просторный холл, сильно пахнувший деревом, благовониями и ее духами: терпко-сладкими, напоминающими зрелую вишню. Врачи не носят подобных запахов.

Шляпу и верхнюю одежду у меня приняла служанка, талия которой была карикатурно узкой. Любопытно было бы изучить ее без корсета — ведь при такой деформации смещение органов неизбежно. Прочие детали, свойственные ее сородичам, я опущу. Отмечу лишь то, что крупные глаза располагались далеко друг от друга, из-за чего затаившаяся злоба, с которой она обслуживала меня и свою хозяйку, внушала некоторую тревогу. Как рычащая собака на привязи.

Пока она принимала у Сокорро плащ, я позволил себе рассмотреть холл внимательнее. Витрины... Я прошелся вдоль них неторопливо, будто по музею. Заметил ритуальные кинжалы. Без сомнения, передо мной лежал малайский крис — встречал похожий на Яве. Вместилище духов. Клинок, который, согласно верованию некоторых синкретических культов, обладает магической силой и собственной волей. Рядом — антропоморфная темная фигурка, что-то африканское. Западное побережье, если не ошибаюсь. Внутри другой витрины послушным рядом теснились человеческие черепа. Некоторые с росписью. В витрине по соседству — ритуальная посуда. Чуть дальше — чучелки. Вуду? Нет, что-то другое, более архаичное...

О, передо мной была не коллекция ученого. Ученому свойственно все систематизировать, распределять по хронологии, снабжать табличками с описанием экспоната. Все эти предметы, привезенные из мест, куда лучше не соваться, были ничем иным, как трофеями. И в том крылось узнавание. Мое узнавание. Ведь я поступал так же: собирал странные вещи отовсюду, куда приводили меня многочисленные путешествия по миру.

— Впечатляющая коллекция, — констатировал я, кивнув на витрины. Затем остановился у одной из них. — Это ведь с Малых Зондских островов? Я видел такой крис в Батавии.

Услышав мои слова, Сокорро склонила голову на бок. Что-то дрогнуло в ней, но тут же покрылось маской аристо-

кратичности. Пуще любого комплимента ее зацепило именно то, что я знаю, на что смотрю. Тусклый свет Преисподней вспыхнул за ее ледяными воротами, и это пролилось на мое самодовольство медовой патокой. Вот она, твоя уязвимая брешь.

— Вы удивительно метко опознали крис, — кивнула она почти с удивлением. — Каждая из этих вещей, привезенных мною из разных стран, обладает особенной историей. Например, оружие, что так привлекло вас, завладело телом своего хозяина и вынудило его сперва перерезать всю семью, а после — пронзить себя. Дух внутри голодает по крови. Его необходимо регулярно подкармливать, чтобы не навлечь беду.

— Для человека, который изучает болезни, у вас необычный круг интересов. Этнография? Антропология? Или что-то более... специфическое?

— Я бы предпочла называть себя исследовательницей уникальных феноменов. Это ближе всего к истине, так как я не ограничиваюсь болезнями или ритуалами, или чем-либо еще.

Она сделала несколько уверенных шагов навстречу, разглядывая мое лицо, словно на мне было написано что-то важное. В ее тишине повис вопрос: «неужели ты равный мне?».

— Смею предположить, вы имеете схожие интересы, герр Маер. — Продолжила Сокорро. — В таком случае, пока слу-

ги накрывают на стол, я приглашаю вас посетить кабинет. Там собраны более редкие артефакты моей коллекции. Разумеется, если вам интересно.

Ее пристальность я выдержал без улыбки. Пусть убедится в очевидном, если ей так хочется.

— Интересно, — коротко ответил я и сделал жест рукой — после вас. — Ведите, доктор.

Та хмыкнула. Невидимая усмешка заплесала на ее спокойных губах. Девушка повернулась к лестнице, явив гордый профиль с островатым носом. Я же, ступая следом, задумался. Она хочет мне что-то показать. Вопрос — зачем. Чтобы впечатлить? Чтобы проверить, как я отреагирую? Не столь важно. Мне действительно слишком хотелось взглянуть.

Мы поднялись на второй этаж, прошли по темному коридору, украшенному незнакомыми картинами узнаваемых художников, древними доспехами и изваяниями. Наконец — кабинет. Комната с книжными шкафами до потолка, с массивным резным столом и кожаными креслами. Повсюду стояли витрины различных размеров и форм.

— Прошу, герр Маер, — выдохнула Сокорро и развела руками, приглашая пройти глубже. — Моя великая гордость в скромной обители.

Подобно алчущему, она наблюдала мой отклик. Ждала его, выискивала с кропотливой внимательностью, коей мог позавидовать самый скрупулезный ювелир. Я же решил не подыгрывать. Рассматривал экспонаты без спешки и без вос-

торга дилетанта, попавшего в сокровищницу. Доктору не нужно было мое одобрение — весь ее вид говорил о том, что она не нуждается ни в чем одобрении в принципе. Сокорро пыталась понять, кто перед ней.

Изумрудный змей заставил меня задержаться. Работа не европейская — Центральная Америка? Ацтеки? Нет, старше. Что-то дрогнуло на периферии знания, но я не стал угадывать вслух. Ошибка может стоить мне позиции. Поэтому я просто промолчал и отступил к следующей занимательной вещице. Веки доктора слегка сузились. Неужто обнаружила мою оплошность?

Я не хотел об этом думать.

Теперь передо мной лежал треснутый меч, половины лезвия которого стягивала сухая трава. Я наклонился ближе: не веревка, не проволока — обычная трава, пырей или что-то вроде того. Кто-то чинил клинок не кузнечным, а ритуальным способом. Оружие предназначалось явно не для сражения. Оно несло сакральный смысл. На месте Сокорро мне бы тоже хотелось иметь в своей коллекции такой клинок. Хотелось бы познать его темную историю... О, она определенно была. Но я даже примерно не предполагал, с чем или кем она могла быть связана. Посему прошел мимо меча поспешно, почти не задержав на нем взгляд. Словно не заметил.

В витрине напротив покоились неровные бронзовые и серебряные монеты. Наконец-то, знакомые артефакты. Такие же любил собирать мой покойный дядя.

— Обол Харона, — тихо произнес я. Доктор коротко кивнула и почти улыбнулась.

Разумеется... Охотница за говорящими вещами не могла пройти мимо древнегреческих монет, которые клали мертвецам на глаза или в рот для платы перевозчику в загробное царство.

— У вас здесь предметы, за которые некоторые музеи отдали бы состояние. А некоторые церкви — сожгли бы вас вместе с ними. — Моя констатация прозвучала суше, чем я планировал. Впрочем, я все равно не собирался ее хвалить. Посмотрев прямо в карие глаза, добавил: — Вы назвали себя исследовательницей, доктор Сокорро, но это правда лишь отчасти. Вы собирательница. Как и я.

И в том не было преувеличения. Множество интереснейших сувениров и реликвий привозил я из путешествий в дом матери. Мой дом, где я родился, где рос. Чтобы мать не тосковала в одиночестве, даже привез ей парочку говорящих попугаев...

— Как и вы, — едва слышимо повторили губы Сокорро. Мгновение она выглядела так, словно была пустой оболочкой, в которую только что вдохнули душу. Затем все ее выражение снова сковало льдом. Но льдом не без интереса.

Она подошла к столу и, опершись о него поясницей, скрестила руки на груди.

— Именно поэтому вы здесь, верно? — ее взор превратился в копье Афины, отправленное пронзить меня. — У вас

пытливый ум, герр Маер. Будучи в покое, он терзает вас. — Сокорро замолчала на пару секунд, наслаждаясь собственным давлением, обращенным в мою сторону. Легкая ухмылка стала явной. С ней она походила на самоуверенную сытую кошку. — Вы совсем не похожи на спасителя людей. Ответьте же, зачем вы на самом деле приехали в Подград?

Вот оно что. Представление мое провалилось, но продолжит ли актер играть свою роль? Я не ответил ей сразу. Думал. Настал момент выбора, от которого зависит дальнейший успех моей затеи. Я мог бы повторить свою ложь о доброжелательном внимании прессы... Сокорро не поверит, но примет правила игры, и тогда мы будем кружить друг вокруг друга, как два балльных партнера, которые не касаются. Едва ли это приведет к чему-нибудь толковому.

Но что, если подсыпать ей немного правды? Она стоит у стола, в этой закрытой позиции, и смотрит сверху вниз, уверенная в абсолютном контроле. Быть может, так и есть. Тайны всегда манили меня, как свет мотылька. Посему, пока доктор нащупывает мои слабости, я нащупаю ее.

Так даже интереснее.

— Мне попалась заметка в пражской газете, — наконец, тихо признался я. — О том, что люди танцуют до смерти, никак не могут остановиться. И вдруг почувствовал... — я помедлил, подбирая слово, — голод.

Кончики моих пальцев коснулись стекла, под которым покоился изумрудный змей.

— И этот голод должен быть вам хорошо знаком, доктор. Иначе этой комнаты не существовало бы.

Я повернулся к ней, внимательно хватаящей каждое слово.

— Вы спросили, зачем я здесь. Я приехал, потому что мне было скучно. А скука для человека моего склада — худшее из наказаний. Феномен танцующих против своей воли показался мне лекарством. Нечто неизведанное, необъяснимое, но подлинное... Нет, мне никак не пройти мимо. Таков мой порок. — Сделав паузу, я склонил голову на бок. — Теперь же позвольте задать тот же вопрос вам. Вы появились в Подграде почти сразу же, как возникла первая вспышка. С людьми, с каретами, со всем добром... Словно знали заранее. Итак, зачем вы здесь, доктор Сокорро?

Преисподняя, та, что за ледяными воротами, напивталась. Я видел, как ее пламя распаляется ярче где-то там, в темноте глаз. Для доктора мой ответ прозвучал правильно.

— Так вышло, что я была неподалеку, когда болезнь дала о себе знать впервые. — Она тоже не выдала всю правду сразу, и сделала это показательно. В спокойной мимике лица проступила едкость. — Посему старалась явиться в Подград как можно скорее. Я хотела понять, что превращает человека в безумного плясуна. Ведь знание позволит обрести контроль. — Сокорро не моргала. — Теперь мой проект — это череда экспериментов ради результата. И результат есть.

Девушка оттолкнулась от стола и подошла ко мне бли-

же. Достаточно, чтобы вновь ощутить вишню ее духов. Я не сдвинулся с места, глядя на нее сверху вниз. Голос доктора стал тише:

— Скажите, герр Маер, вы тщеславны? Скажите честно. Это важно.

Какой странный вопрос. И вновь мне предстоит сделать выбор. Ответить нет — значит, солгать, а ложь она распознает непременно. И тогда меня ни за что не подпустят ближе, не позволят узнать больше. Ответить да — значит, подарить признание, которое можно использовать против меня. Уклониться же встречным вопросом — значит, вызвать презрение, что по последствиям немногим отличается от первого варианта...

— Да, доктор, — заговорил я, спокойно глядя ей в глаза. — Однако, тщеславие мое иного сорта. Мне не нужны аплодисменты, не нужно, чтобы весь мир знал мое имя. Я лишь убежден в том, что достоин видеть сокровенное от других.

— Ложь. — Почти оборвала Сокорро. Она хмыкнула, взглядываясь в меня. — Вы убеждены, что достойны власти. Не так ли? — Ее уст коснулась неприятная в своей пронизательности ухмылка. Почти замороженная. — Вы чувствуете это в собственной крови. Иначе бы не собирали трофеи. Иначе бы не пришли в мой особняк. Вы хотите увидеть Крыло Песни, чтобы стоять рядом с неизвестным, будто рядом с дикой норовистой лошадю, которая лягается. Но стоять, зная, что оседлаете ее. И это будет уже ваша дикая лошадь.

Пускай уже не такая интересная. Это... тщеславие, которое приближает вас к...

Она выдохнула судорожно, словно в легких кончился воздух. Грудь в корсете вздымалась чаще. Почти беззвучно Сокорро все же закончила:

— К собственной божественности.

Тишина...

Я стоял и слушал, как сердце делает удар за ударом. Ровно. Медленно. Она меня видит.

Неужели?

Наяда видела меня сквозь призму собственной природы. Слепо и инстинктивно. Как подобает созданию видеть своего создателя. Другие женщины видели меня через желание, через страх, через восхищение. Сокорро же узрела мой механизм. Выделила ту крохотную шестеренку, которая вертелась невзрачно, но приводила его в действие. Ту, которую всю мою жизнь не замечали, ибо никто не знал, куда следует смотреть.

Власть. Да.

Но важно кое-что еще: невозможно так точно назвать чужой голод, если не носишь в себе тот же. Сокорро говорила не только обо мне. Описывая меня, она одновременно открывала и свою карту.

Молчание длилось долго. Некомфортно долго. Я первым нарушил его:

— Вы опасный человек, доктор Сокорро, — негромкая

констатация, без намека на шутку. — Потому что описываете симптомы, которые имеете сами.

Я приблизился еще на шаг — она нисколько не смутилась, с достоинством выдерживая взгляд.

— Покажите мне Крыло Песни.

— Я покажу, — кивнула доктор. В ней томилось возбуждение, как у художника, картину которого поняли и признали. — Но сперва — наш обед. И небольшое условие. Если вы согласитесь, вы окажете услугу не только себе, но и мне. И... возможно, всему Подграду.

Глава 4. Крыло Песни

В кабинет вошел слуга — высокий и тощий, как палка. Большие черные глаза располагались далеко друг от друга, как и у фройлен с узкой талией, которая встречала нас в холле. Он натянул до противного неестественную улыбку и слегка поклонился Сокорро.

— Стол накрыт, госпожа, — произнес он и зыркнул на меня с отвращением столь откровенным, что будь я впечатлительнее, обязательно ощутил бы подступающую к глотке тошноту.

Доктор едва заметно качнула подбородком. Когда слуга исчез за дверью, она вновь обратилась ко мне:

— Вам не страшно, герр Маер? Или Феликс, если позволите.

— Феликс, — разрешил я и прислушался к себе со всей внимательностью, словно пытался уловить звуки в темном доме.

Был ли во мне страх? О, нет. Нечто другое. Оно жило во мне со времен Наяды — ощущение края, тонкой линии, за которой все превращается в необратимость. И сейчас я стоял на этой линии вновь, а она, искушая, гудела под ногами.

— Нет, — сказал я. — Мне не страшно. Мне было бы страшно уехать из Подграда, не увидев того, что здесь происходит. Вот это — настоящий ужас. Знать, что было, и пройти

мимо. — Выдержал паузу. — Назовите ваше условие, доктор.

Ее имя не добавил намеренно, ведь она не предложила мне использовать его в том же формате, в котором теперь может обращаться ко мне. Я также вспомнил, что не знаю ее фамилии. В разговоре с Николом или Розалией она не звучала. Имя без фамилии — любопытная маска.

Как любопытно и то, что доктор не просто так продемонстрировала мне свою коллекцию, а теперь не просто так собирается угостить обедом. Она впустила меня, потому что я нужен ей. Для чего-то. И это «что-то» дорогого стоит.

Что ж, интересно.

— Сокорро, — попросила она, сразу же смекнув. — Просто Сокорро. Условие простое и придется тебе по вкусу: помоги мне исследовать танцевальную чуму, принимая участие в экспериментах.

Лед ее снова тронулся. Дьявольская орда рвалась наружу, безжалостно штурмует врата. Почти одержимость... Почти.

— Я проведу тебя в Крыло, расскажу обо всем, что мне известно. В подробностях. Покажу, как провожу опыты... Кроме того, такой человек, как ты, достоин большего, чем комната в «Короне». Я выделю для тебя полноценную спальню.

Какая неслыханная щедрость. Зачастую, когда предлагают слишком много — спросят еще больше. И первые звоночки, как мне показалось, я уже услышал: «принимай участие в экспериментах». Доктор не предложила наблюдать или опи-

сывать процесс... Но что значит «участвовать» в экспериментах с людьми, которые танцуют до гангрены?

Я должен был отказаться. Любой разумный человек отказался бы. Или хотя бы задал десяток уточняющих вопросов. Но как мог я стоять над бездной и не шагнуть вперед с улыбкой? Ведь именно так я поступал постоянно. Так поступил, нацепив маску козла, когда создавал Няяду. Огни ритуальных свечей до сих пор загораются в моем воспоминании. Они освещают ее лицо, воплощающее блаженство, в котором той ночью навсегда растворилась богобоязненная невеста Христа, и родилась порочная бестия.

Нет, отвернуться от бездны, манящей тайнами, спрятанными во тьме, я никак не мог. И эта женщина, сотканная из тех же порывов, — она это знала. Потому и предложила.

— Сокорро, — впервые назвал ее просто по имени. — Я соглашусь. Но у меня тоже есть условие.

Та вопросительно подняла строгие брови.

— Честность, — продолжил я. — Не вся — я не наивен. Однако, когда я задаю прямой вопрос, я хочу получить прямой ответ. Или честное молчание. Ложь между людьми нашей породы — равно оскорблению.

— Честность... — повторила она задумчиво. — Ты прав. Будем честны друг с другом.

Она по-настоящему улыбнулась — и, что удивительно, улыбка ей шла. Никогда бы не подумал, что это лицо способно на теплые эмоции. Бледная рука с длинными пальцами

потянулась ко мне навстречу.

— Итак, мы оба согласны.

В этот раз, взяв ее, я не стал жать. Задержал ладонь Сокорро в своей, отметил прохладу кожи.

— Согласны. — Осторожно отпустил.

Мы спустились, прошли в столовую с длинным столом из темного дерева. В глаза сразу же бросалась дорогая посуда из фарфора, серебряные тарелки и приборы, бокалы из тончайшего хрусталя. Яств было в избытке. По крайней мере, для обеда на двоих.

Слуга, который приходил оповестить хозяйку, стоял в углу, возле тяжелых оконных занавесок, и перепрыгивал с одной ноги на другую, широко разводя бедра в стороны. Точно скоморох. При этом он издавал странный шипящий звук, напоминающий хихиканье. В руках его колыбался поднос, а по нему каталось яблоко. Черные глаза выражали безрассудное исступление. Зрелище выглядело весьма абсурдно. Первая мысль, посетившая меня: неужто и этот заразился? Но Сокорро окликнула слугу со сталью в голосе, как окликают заигравшихся щенков. Тот замер, откашлялся, поклонился, и исчез за дверью. Вместо него в столовую вошла фройлен с треугольным лицом и длинным крючковатым носом. Талия ее была такой же узкой, как у служанки, что встречала нас.

Мы расселись, и я невольно обратил внимание на черную ритуальную маску с выпученными рубиновыми глазами — она висела на стене позади Сокорро, словно надзиратель или

бог-покровитель. Или же вторая натура сидящего под ней.

Пугающая, но вместе с тем необъяснимо притягательная.

— Занятная реликвия, — кивнул я, разворачивая льняную салфетку. — Западная Африка?

— Совершенно верно. — Доктор сидела неподвижно, пока прислуга наполняла ее бокал вином. — «Несущий возмездие». Это маска народа Вэ из Либерии. Предназначена для физического наказания провинившихся. — Когда темный напиток достиг середины, она накрыла чашу ладонью. — Заявлена, как проклятая. В 1905 году американская коллекционная экспедиция во главе с профессором Стиллманом посетила одну из деревень под предлогом обмена. Хотели обменять джин и ружья на маски. Но старый вождь отказался, так как их народ считал свои маски священными. Особенно, ту, что хранила справедливость. Тогда кто-то из помощников профессора схватил дочь вождя, началась потасовка, в ходе которой был убит старший сын вождя. А дальше — бойня. Винчестеры против копий и мачете. Люди Стиллмана перебили почти всех жителей. Но оставшийся в живых самый младший и самый слабый сын вождя скрылся в святилище, где хранилась главная маска-эзекутор — «Несущий возмездие». Он надел ее и отправился вслед за отрядом, тихо перерезая одного за другим, словно призрак. Когда в живых остался только профессор и один носильщик, на юношу устроили засаду. Тот попался и Стиллман застрелил его. Пока сын вождя падал, маска слетела и упала в кусты. Про-

фессор, ликующий и горящий любопытством, поднял ее и поднес к лицу, чтобы примерить как трофей. Он не заметил в изгибе глазницы маленькую змею. Будто посланная духом мести, она укусила убийцу за щеку, и тот погиб, мучаясь в ужаснейших корчах.

Сокорро рассказывала монотонно и спокойно, лениво помешивая вилкой салат. Я же слушал, охотно и с аппетитом поглощал все, что мне хотелось.

— Второй отряд нашел тела пропавших коллег, а маска была отправлена в Смитсоновский музей. Однако, с сотрудниками, которые работали в зале, где покоился артефакт, начали происходить несчастные случаи. Годы спустя, маска «всплыла» на частном аукционе, где я ее и выкупила.

— И вы не побоялись ее проклятия? — ухмыльнувшись, спросил я.

— Ничуть, — она едва коснулась салата губами. — Мой отец был опытным исследователем. Он писал о масках народа Вэ. В том числе описывал и данный случай. Собственно, именно из его записей я и узнала об этой реликвии. Она относится к вещам, которые нужно кормить. Каждый день за трапезой отдельно ставится тарелка для маски, — подбородок доктора качнулся в сторону, где между печеными перепелками и сырной нарезкой стояла серебристая глубокая тарелка с рисом. — В определенные дни «Несущего возмездие» следует ублажать жертвой. Тогда дух будет спокоен и никакого вреда от него не случится.

Жертвой. Чьей же, доктор?

Когда я доел мясо, белая фройлен с узкой талией вынырнула из-за моей спины с кувшином вина. Пока она подливала, я рассматривал кожу на ее длинной шее и на впадающих щеках.

Вот оно что... Эффект матовой пудры дарила ей и ее коллегам отнюдь не косметика. Все куда оригинальнее — кожа была напрочь лишена пор. Как и родинки.

— Сокорро, — обратился я, когда служанка ушла. — Мы договорились о честности. Итак, я задам свой первый вопрос. Твои люди. Слуги, садовники, извозчик... Кто они?

Девушка замерла. Она явно не ожидала, что я атакую так быстро и прямо. Ее порция была почти нетронутой, а теперь вилка совсем легла на стол, ставя окончательную точку в обеде. Аккуратно промокнув губы салфеткой, Сокорро ответила:

— Я не отказываюсь от своего обещания, Феликс. Скажу всю правду, без утаивания. Однако, позволь сделать это не прямо сейчас. Сегодня вечером. Наедине. Уверяю, мой ответ тебя не разочарует.

Просьбу об отсрочке я принял — все же, это был не отказ и не нарушенное слово. Теперь все зависело от того, как моя новая знакомая поведет себя вечером. Раз уж я здесь, то разберу это место по кирпичикам.

— Мне бы хотелось узнать твое отношение к сказкам, легендам и преданиям. — Она более не ела, а лишь наблюдала

за мной. Я как раз подносил вино к свету, рассматривая, как оно играет глубоким, почти черным оттенком.

Правильно, подпускай меня к своим секретам, Сокорро. Шаг за шагом.

Не отрываясь от вида чудесного напитка, я произнес без какой-либо эмоциональной окраски:

— Как может относиться к подобным темам человек, подающийся той же страсти тащить домой проклятые предметы? — мой взгляд упал на нее. Я поставил бокал на стол. — Мной был создан демон, Сокорро. Абсолютно реальный демон. Я вижу, ты хочешь мне верить, но не можешь не усомниться. И это разумно. Всякая легенда вызывает смесь надежды и смятения. Но это не отменяет подлинности событий. Лишь от восприятия зависит, принимает истину услышавший или же ему безопаснее счесть ее невинным вымыслом.

Маска вновь притянула мое внимание, практически заставила почувствовать свое присутствие в этой комнате. Сокорро нахмурилась — видимо, по той же причине. Но не обернулась.

— Мой дядя, — продолжил я, игнорируя нависающую тяжесть. — был человеком влиятельным. Для всех вокруг — талантливый ученый. Для себя же — каббалист, практикующий теургию. Вертелся в обществе таких же, как он. И был у него порок, терзавший его с отрочества вплоть до смерти. Видишь ли, был он падок до плодов недозревших. Однажды

он поделился со мной своим страхом относительно того, что такое пристрастие доведет его до заключения. Он хотел излечиться. И я подал идею создать для «терапии» голема, напитанного особенной силой влечения. Непреодолимой, настойчивой. Как раз для его запущенного случая, ибо вступить в связь со зрелой женщиной у дядюшки никак не получалось. — Отпив немного вина, я отметил глубокую вовлеченность Сокорро. Она слушала меня с сосредоточенным видом, с каким не слушают чужие вымыслы.

— Вы вылепили женщину из глины? — попыталась предугадать она. Я мотнул головой.

— В том не было необходимости. Давний приятель дяди, священник, познакомил нас с молодой монахиней, которая только приняла свои первые обеты. Она была так увлечена Богом, преданная молитве до одури... Самоотверженно мечтала получить откровение свыше, чтобы причинять добро всем вокруг. А мы, прикинувшись представителями духовенства, восхитились ее слепой верой, восхвалили ее достоинство и убедили поучаствовать в таинстве, которое должно было соединить ее сознание с господом. Разумеется, та восторженно согласилась. Вот и готов наш сосуд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.